

ДЕМЕНЕВ Алексей Григорьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 27 научных публикаций, в т. ч. одной монографии

ЭТИКА И ЭКОНОМИКА СЧАСТЬЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СТАРОЙ ПРОБЛЕМЕ

В последние десятилетия этическое понятие «счастье» стало предметом исследований в области экономики, социологии, психологии. Выяснилось, что не существует прямо пропорциональной связи между ростом ВВП и уровнем удовлетворенности жизнью населения страны. Это доказывают и статистические данные («парадокс Истерлина»), и обыденный нравственный опыт. Поэтому политики все чаще заявляют о том, что целью государства должен быть не рост ВВП любой ценой, а рост уровня счастья. В то же время корреляция между уровнем дохода и уровнем субъективного благополучия существует. Это является одной из главных тем в экономической теории счастья. Мировоззренческой основой этого направления исследований является этика утилитаризма. Утилитарное мышление двойственно: оно стимулирует социальный прогресс, но сводит разнообразие мотивов к поиску выгоды; оно содержит возможность как эгоистической, так и альтруистической интерпретации. Классический утилитаризм, сформировавшийся в условиях английской промышленной революции, не мог иметь такой же успех в России. Он подвергся критике со стороны русских религиозных философов, ведь человек в поиске удовольствий и счастья может забыть о нравственных ценностях. Многие специалисты по экономике счастья считают, что целью государства не должен быть рост Валового Национального Счастья любой ценой. Достижение гуманных, социально и индивидуально значимых и нравственно одобряемых целей – таков фактор обретения счастья, понимаемого автором как награда. Создавать условия для постановки и реализации данных целей – это приоритет деятельности государства.

Ключевые слова: экономика счастья, Валовое Национальное Счастье, цель жизни, утилитаризм, индикаторы социального развития.

Междисциплинарный синтез и математизация уже стали привычными чертами современной науки. В совершенно неожиданных областях можно встретить примеры успешного взаимодействия до недавнего времени обособленных наук. А количественный анализ применяется по отношению к таким объектам, которые в классической науке даже не признавались

в качестве объекта исследования. В последние десятилетия получило распространение словосочетание «экономика счастья», которым обозначается широкое поле исследований в области экономики, социологии, психологии. Выведение формул влияния различных экономических факторов на уровень счастья, как и сама по себе задача измерения уровня счастья, может при первом

знакомстве вызвать улыбку у исследователей этики. Но набирающая популярность тема не позволяет себя игнорировать, а в исторической ретроспективе позволяет проследить заслуживающие внимания тенденции в развитии социально-гуманитарных наук.

На протяжении двух последних веков развития западной цивилизации экономический рост был признан главным, если не единственным критерием успеха государственной политики. При этом счастье граждан если и предполагалось как одна из целей развития, то отождествлялось с материальным благополучием. Изменение приоритетов наметилось в научных исследованиях последней трети XX века, а в начале XXI века стало распространяться и в политической практике. Толчком к развитию экономики счастья стали идеи, высказанные в далекой от утилитаристского Запада стране. Вступивший на трон в 1972 году король Бутана Джигме Сингье Вангчук заявил о том, что главной целью государства должно быть увеличение не ВВП, а Валового Национального Счастья. Соответственно, были скорректированы приоритеты внутренней и внешней политики с учетом исторических, этнокультурных, религиозных особенностей этой страны. Данный пример вдохновил многих, заставил задуматься, стимулировал новые направления исследований, спровоцировал научные и политические дискуссии. Смещение приоритетов было отражено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Счастье: целостный подход к развитию» от 19 июля 2011 года.

Новая философия базировалась на том утверждении, что не существует прямо пропорциональной связи между ростом ВВП и уровнем удовлетворенности жизнью населения страны. Определенный экономический минимум нужен для счастья, но дальше в действие вступают другие факторы, некоторые из них к экономике имеют опосредованное отношение, а некоторые вообще являются неэкономическими. Отсюда возникает вопрос: должно ли государство и дальше ориентироваться на рост ВВП любой ценой как главную цель? Необходимо определиться, что является оправдан-

ной, желаемой целью всех усилий государства. Экономический рост является самоцелью или средством для достижения того, что люди называют счастьем?

Но потребность в смене приоритета натолкнулась на очевидные трудности. Во-первых, счастье традиционно воспринимается как слишком расплывчатое, изменчивое, субъективное понятие, которое за тысячелетия истории этики не только не сумело получить общепринятого определения, но и далеко не всеми было признано в качестве достойной цели человеческой жизни. Ощущение счастья, казалось бы, исключает возможность какой-либо количественной оценки, поэтому не может стать объективным показателем уровня развития страны, каким до сих пор остается ВВП в исчислении на душу населения. Во-вторых, как государство может сделать своих граждан счастливыми, если это состояние определяется в большей степени неэкономическими факторами? Интерес к этим вопросам в западной науке стимулировал исследования в области экономики, психологии, социологии: факторов счастья, влияния экономических факторов на уровень удовлетворенности жизнью, методик количественного измерения счастья, возможностей государства в обеспечении условий для счастливой жизни граждан и др.

Удачен ли дословный перевод понятия «economics of happiness» – «экономика счастья»? В зарубежных исследованиях по экономике счастья речь идет скорее об удовлетворенности жизнью. Понятие «удовлетворенность» в русском языке означает состояние, формируемое в большей степени рациональным путем. Человек способен рационально оценить удовлетворенность тех или иных конкретных потребностей, удовлетворение условиями жизни в целом. Именно как удовлетворенность жизнью понимал счастье знаменитый польский философ В. Татаркевич [1, с. 42]. В таком значении уровень счастья может измеряться некоторой шкалой, выявляться опросами, а результаты опросов могут репрезентировать состояние общества.

Но в русском языке понятием «счастье» чаще обозначают состояние, в котором главную роль играют эмоции, которые в отличие от рациональных оценок более изменчивы и подвержены действию временных и случайных факторов. Так понимая счастье, респондент может дать оценку своему состоянию, но таким образом полученные данные вряд ли могут быть использованы в качестве объективных индикаторов социального развития. В зарубежных исследованиях, для того чтобы избежать неопределенности понятия «счастье», используется также понятие «субъективное благополучие» (subjective well-being, SWB). В отечественных социологических исследованиях встречается также понятие «социальное самочувствие» [2, с. 488].

Одним из главных в экономике счастья является вопрос о корреляции между уровнем дохода и уровнем субъективного благополучия (СБ) человека. Собрано множество статистических данных, но вопрос продолжает оставаться открытым. О его неоднозначности заявил американский экономист Джеффри Сакс, директор Института Земли при Колумбийском университете, один из авторов первого составленного для ООН «Доклада о мировом счастье»: ВВП в США за последние 40 лет вырос в несколько раз, но уровень счастья существенно не изменился [3]. Д. Сакс апеллировал к явлению, известному как «парадокс Истерлина»: несмотря на то, что в одной и той же стране в конкретный момент времени среди богатых людей больше счастливых, чем среди бедных, рост ВВП на душу населения не ведет к пропорциональному росту средних показателей удовлетворенности жизнью в стране. Эта тенденция наиболее характерна для стран с развитой экономикой. Позднее парадокс Истерлина пытались и опровергнуть, и скорректировать на материалах более широких исследований. Но в 2010 году Истерлин подтвердил свои выводы.

Причиной возникновения парадокса Истерлина признано сразу несколько психологических и экономических эффектов. Во-первых, для человека, у которого базовые потребности удов-

летворены, наступает адаптация, или точка насыщения. Меняется структура предпочтений, возрастает роль разнообразных неэкономических потребностей, возрастает требовательность к различным составляющим качества жизни. Материальные потребности тоже растут, но акцент смещается с задачи выживания на задачи свободного развития и самореализации. Простой рост материального благосостояния уже не сможет обеспечить существенного роста уровня удовлетворенности, что соответствует закону убывающей предельной полезности. В целом же непрерывный рост тех или иных потребностей заставляет общество постоянно стремиться к их удовлетворению, оставаясь примерно на том же уровне СБ. Такое движение называют «гедонистической беговой дорожкой» (hedonic treadmill). Люди вынуждены бежать, оставаясь на месте [4].

Во-вторых, на ощущение счастья влияет сопоставление собственных успехов с успехами других людей. Если доход растет у всех примерно одинаково и положение индивида относительно других не меняется, то остается на том же уровне и СБ индивида (при равенстве прочих, неэкономических факторов), и средний показатель по стране.

Парадокс Истерлина не означает отсутствие корреляции между уровнем дохода и уровнем СБ. Доводы в пользу этого приводятся во многих исследованиях [5, с. 98, 105]. Но на эту связь накладывается множество других влияний, которые могут нивелировать указанную тенденцию: многообразные этнокультурные, индивидуально-психологические особенности. Даже если учесть потребительский характер современного общества, прямая и жесткая корреляция уровня счастья и уровня дохода противоречит обыденному нравственному опыту. Высокий уровень удовлетворенности жизнью в богатых странах может быть результатом создания объективных условий для свободного развития граждан, самореализации, высоких стандартов образования, здравоохранения, безопасности, экологического комфорта. Сам же по себе рост дохода любой ценой может

вызывать и обратный эффект как в масштабах жизни индивида или семьи, так и в масштабах страны. Мало кто будет счастлив прирастанию нулей на банковском счете, если платой за это станут разрушение семьи, потеря друзей, хронический стресс.

Главными методологическими проблемами экономической теории счастья являются проблема интерперсональных сравнений и проблема формирования интегральных индексов. Для прямого измерения уровня СБ разработаны методики на основе ординалистского подхода, которые подразумевают выставление относительных оценок респондентами по предложенной шкале. Но с этими индексами возникает сразу несколько проблем.

Во-первых, допустимо ли сравнивать данные, полученные таким образом от разных респондентов, особенно если они принадлежат к разным социокультурным группам? В идеале респонденты должны примерно одинаково понимать используемые в опросе понятия (счастье, удовольствие, радость, страдание, ценность, удовлетворение, психологический дискомфорт и др.) и быть одинаково способными описывать свои ощущения в баллах. Полученные от них данные должны быть сопоставимы, чтобы их можно было суммировать и вывести средний показатель, репрезентирующий состояние общности. Эта трудность, известная как проблема интерперсональных сравнений, возникла в утилитаристской этике при оценке полезности того или иного объекта для разных индивидов. Во-вторых, субъективные данные чрезвычайно изменчивы, подвержены воздействию случайных факторов, поэтому полученные на их основе индексы могут не отражать объективное состояние дел.

Разработка интегральных индикаторов предполагает учет как субъективных, так и объективных данных (уровень ВВП на душу населения, продолжительность жизни, доступность медицинских и образовательных услуг, количество самоубийств и др.). Но и здесь возникает трудноразрешимая, а по мнению некоторых исследователей, – неразрешимая проблема [6].

Необходимо определить вес каждого частного индикатора в формировании общего. Для этого необходимо определить их значимость, а она различается для каждого отдельного индивида, определяется иерархией ценностей. Если вес частных индексов уравнивать, интегральный индекс утратит репрезентативность, он будет учитывать все и не свидетельствовать ни о чем. Если отдать предпочтение каким-либо конкретным факторам, то включается произвол разработчика индекса. Что важнее, например: доступность образования или количество самоубийств?

Несмотря на методологические трудности, в мире разработано множество индексов, претендующих на отражение уровня удовлетворенности населения. Часть из них разработана для конкретных стран с учетом национальной специфики (например, в КНР, Бутане). В России мониторинг социального самочувствия населения с помощью собственных методик проводится как на федеральном, так и на региональном уровнях [2, с. 97, 366, 484]. Часть индексов разработана под эгидой международных организаций для межстранового сравнения (ИРЧП, Better life index, Well-being index, Happy Planet index и др.). Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, но в целом тот факт, что, самыми счастливыми, согласно разным индексам, оказываются разные страны, их репрезентативность ставит под сомнение. Таким образом, поиск адекватной меры общественного благосостояния продолжается.

Мировоззренческой основой экономики счастья является этика утилитаризма. Это влияние очевидно и в провозглашении счастья главной целью устремлений индивида и государственной политики, и в поиске методики количественного измерения удовольствий, определения баланса удовольствий и страданий, суммирования полезности. В такой развитой форме утилитаризм стал детищем промышленной революции в Англии, но как тип культуры он имеет гораздо более древнюю историю. Утилитарное мышление то актуализировалось, то отступало на задний план на разных этапах развития западной цивилизации, пока, наконец,

окончательно не укоренилось в качестве ее мировоззренческого основания.

Утилитарные ценности генетически связаны с мещанским типом морали, сформировавшимся и в античных, и в средневековых сообществах, но получившим наибольшее распространение в городской среде Европы Нового времени. Социально-экономической основой мещанской морали были сословия мелких собственников. С одной стороны, необходимость много трудиться воспитывала такие добродетели, как трудолюбие, честность, добросовестность, здравый смысл, бережливость. С другой стороны, желание разбогатеть и страх нищеты оборачивались скупостью, расчетливостью, вещизмом, узостью интересов, бездуховностью, эгоизмом, конформизмом, неспособностью к риску и творчеству, завистью к чужому успеху. Мещанин стремится приобрести внешнюю респектабельность, производить впечатление успешного человека, казаться, а не быть. Счастье, понимаемое как обладание общепринятым набором материальных благ, является для него заветной целью и критерием жизненного успеха.

Добродетели и недостатки мещанства как нравственного типа отражают двойственность утилитарной культуры. Утилитарное мышление формирует особую стратегию бытия, нацеленную на покорение, использование, преобразование природной и социальной действительности. Это активно-деятельностное отношение к миру, основанное на постоянном росте потребностей, прежде всего материальных. Утилитаризм морально санкционирует социальный прогресс, в то же время ограничивая инновации узкими рамками представлений о пользе. В этом проявляется консервативность утилитарного мышления. Абсолютизация утилитарного подхода, сведение всего разнообразия мотивов к поиску выгоды ведут к деградации культуры [7, с. 11].

Для утилитаризма характерно потребительское отношение к миру как к средству, а к морали как к человеческому установлению. Потенциально утилитаризм содержит возможность и эгоистической, и альтруистической интерпретации, в зависимости от того, чья польза видится

в качестве высшей цели. Противоречива и оценка гуманистического потенциала утилитаризма. Сосредотачиваясь на посястороннем, возводя в ранг цели человеческое счастье, утилитаризм выглядит реализацией более общего принципа гуманизма. В то же время конкретно-исторические формы утилитаризма зачастую сводились к поощрению эгоистических устремлений индивида, потребительского отношения к другим людям, к природе, к возведению примитивно понятого материального комфорта в ранг смысла жизни.

В России монашеский нравственный идеал, вдохновляемый восточно-христианской традицией, находился в непримиримой оппозиции к утилитарному мышлению. И хотя нравы масс и нравы элиты были далеки от этого идеала, но отношение к богатству было не таким, как на Западе: без нравственной идеализации, с ощущением греха. Идеал святости как в форме старчества, так и в форме юродства был несовместим с заботой о благополучии, выгоде, счастье. Переломным моментом в отношении к утилитарным ценностям стала петровская модернизация страны, развитие промышленности, торговли, науки. Но классический утилитаризм, сформировавшийся в условиях английской промышленной революции, не мог рассчитывать на такой же успех в крепостнической стране, стоящей на совершенно иных мировоззренческих, цивилизационных основаниях. Тем не менее духу утилитаризма соответствовали реформы М.М. Сперанского, Александра II, С.Ю. Витте, П.А. Столыпина.

В русской философии сложились полярные оценки утилитаризма и эвдемонизма. Аргументы «против» формулировались в рамках нравственного богословия, славянофильства, русской религиозной метафизики конца XIX – начала XX века. Развернутая критика утилитаризма, гедонизма, эвдемонизма была дана в работах В.С. Соловьёва, В.В. Розанова, Н.Я. Грота, А.И. Введенского, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка и др. Утилитаризм для них символизировал все отрицательные черты западной цивилизации. Отгалкиваясь от критики утилитаризма, велись

поиски основ самобытности русской культуры. Любопытно, что в адрес утилитарной этики со стороны оппонентов придумано множество синонимов и эпитетов, которые в русском языке несут более или менее негативный смысл: жадность, рвачество, мещанство, филистерство, приземленность, торгашество, меркантилизм, вещизм, потребительство.

Среди представителей левого крыла общественно-политической мысли сложилось противоречивое отношение к утилитарным ценностям. С одной стороны, мещанский дух торгашества и наживы был несовместим с идеалами социализма. Его обличали В.Г. Белинский, А.И. Герцен. С другой стороны, земное измерение морали, отождествление добра с пользой, нацеленность на достижение земного счастья, на гармонию частного и общего интереса импонировали Н.Г. Чернышевскому, П.Н. Ткачёву, Н.И. Карееву.

В этике иногда возникает путаница с определением тех или иных учений в качестве эвдемонистических. Связано это с возможностью выделения широкого и узкого смыслов понятия «эвдемонизм». Наиболее распространенным является употребление этого понятия в узком смысле по отношению к учениям, рассматривающим счастье в качестве единственной высшей и непосредственной цели жизни. В этом случае достижение ощущения счастья оказывается самоцелью, вплоть до признания приемлемыми любых средств. Увлеченный этой целью человек может освободить себя от любых обязательств или оставаться добродетельным, но видеть в добродетели средство достижения счастья. Понимая нравственную опасность такой позиции, многие моралисты определяли себя в качестве оппозиции эвдемонизму. Отождествление счастья с удовольствием и осознание его в таком виде в качестве непосредственной цели жизни критики называют *hysteron proteron* гедонизма [1, с. 279–280]. Гедонизм смешивает два понятия: удовольствие как цель и как результат. Человек может испытывать удовольствие как результат достижения какой-либо цели, но при этом не планировать само удовольствие в качестве цели.

Если целью государства ставить максимизацию уровня счастья, понятого как удовольствие, то этого можно добиться, например, пропагандируя снижение потребностей, легализуя дешёвый алкоголь и наркотики, давая людям зрелища вместо хлеба. Противники гедонистического подхода иронично сравнивают человека, ищущего удовольствие как таковое, безотносительно того, чем оно вызвано, с болельщиком, который всегда болеет за более сильную команду.

Если же понимать счастье как удовлетворение от достижения тех или иных значимых целей, то отказывать человеку в счастье – все равно что отказывать в праве желать, ценить, ставить цели и достигать их. То есть отказывать человеку в праве быть человеком. В этом, широком, смысле слова подавляющее число учений являются эвдемонистическими. В этом случае счастье оказывается лишь приятной наградой, сопутствующей достижению цели, но само по себе целью не являющейся. Достойными целями в различных этических учениях признавались исполнение долга, обладание добродетелями, достижение совершенства, обретение божественной благодати.

Современные сторонники утилитаризма сталкиваются с такими же теоретическими и методологическими проблемами, что и исследователи экономической теории счастья. Это все те же проблемы совершенствования методик измерения полезности (или удовольствия, удовлетворения, счастья), сопоставления и суммирования индивидуальных субъективных данных. Среди теоретических проблем особую важность имеет формирование подходов к пониманию социальной справедливости.

Следует заметить, что утилитаризм предлагает свою формулу нравственности не только для поведения индивида, но и для выбора принципов государственной политики, для совершенствования социальных институтов, для определения стратегии развития общества в целом. Нравственное оправдание при этом получают те социальные изменения, которые увеличивают счастье максимально большего числа людей. Красивая на словах формула на деле порождает массу вопросов, связанных со

справедливым распределением благ среди членов общества.

Распространенный тезис классического утилитаризма о том, что, увеличивая свое благосостояние и счастье, человек увеличивает и общественное богатство, – лишь вводящий в заблуждение формализм, иллюзорный способ представить частное обогащение общественно полезным делом. Его, например, использует Бентам в своей моральной арифметике. Формально тезис верен, если представить все частные интересы однонаправленными силами. Но даже в этом случае, если один человек разбогатеет, другие не станут богаче. В реальности же столкновение интересов ведет к тому, что богатство и счастье одних может достигаться за счет обнищания и несчастья других. И такое перераспределение благ может привести не к росту, а к уменьшению совокупной полезности.

Утилитаристский принцип полезности на деле порождает массу парадоксов. Так, например, следует нравственно оправдать кражу, если два человека обокрали одного, ведь от этого увеличилось счастье двоих, а уменьшилось счастье только у одного. Аналогично, в масштабах общества нравственным признается достижение счастья большинства за счет страданий меньшинства. Чтобы сделать невозможными такие стратегии, новейший утилитаризм предлагает придерживаться принципа В. Парето: нравственно оправдывать только те изменения, которые увеличивают счастье хотя бы одного человека, не уменьшая при этом счастья других. Но применение этого принципа вообще консервирует общество, т. к. практически любые изменения чье-то положение улучшают, а чье-то ухудшают. Консервируются самые вопиющие формы социальной несправедливости. Даже борьба с преступностью оказывается безнравственной, т. к. делает «несчастливыми» преступников.

Увеличение Валового Национального Счастья возможно экстенсивным путем, путем увеличения численности населения. При этом нравственно оправданным окажется переход от общества благополучного, но немногочисленного, к обществу с низким уровнем благополучия

граждан, но более многочисленному. Чтобы уйти от таких вариантов развития, современные утилитаристы предлагают ориентироваться на возрастание средней полезности, аналогично возрастанию ВВП на душу населения. Но этот критерий ничего не говорит о распределении благ в обществе, о том, как достигается этот рост.

Используя закон убывающей предельной полезности, утилитаристы и экономисты теории счастья обосновывают целесообразность и справедливость перераспределения материальных благ налогами и субсидиями [8, с. 164]. Удовлетворение от получаемых благ ведет к тому, что каждая новая единица блага приносит все меньше радости, а ее утрата, соответственно, приносит меньше страдания. Поэтому изъятие в виде налогов незначительной части дохода богатых и передача их в виде субсидий бедным ведет к тому, что счастье вторых увеличивается больше, чем уменьшается счастье первых. Таким образом, суммарная удовлетворенность в обществе должна возрастать. Все названные проблемы утилитарной этики и экономики счастья – это практические проблемы конфликта интересов, которые ежедневно приходится решать законодательной и исполнительной государственной власти.

Обсуждаемая тема является крайне актуальной при выборе стратегии развития, при определении приоритетов государственной политики в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Социологические исследования с измерением уровня СБ помогают своевременно выявить болезненные точки, предупредить возможность социальных конфликтов. Использование достижений экономической теории счастья при принятии политических решений способствует решению задач по гуманизации социального развития и воплощению принципов социальной справедливости.

В то же время внешней респектабельностью целей могут маскироваться негативные тенденции: от увеличения ВВП любой ценой к увеличению счастья любой ценой. Зная, какие механизмы манипулирования общественным

сознанием были выработаны в XX веке, можно догадаться, какими средствами власть может формировать довольное жизнью большинство. Чем улучшать условия жизни, проще изобрести «наркотик счастья» [9]. Не случайно в истории этики сложилось настороженное отношение к счастью как главной цели жизни и крайне негативное отношение к счастью, понятому как достижение удовольствий любой ценой. Против максимизации счастья нации как цели государства выступают и многие исследователи экономики счастья [6, с. 34].

Стимулирование потребления в развитых странах в XX веке свело понятие счастья к банальному набору материальных благ, привело к закреплению мещанского типа нравственности со всеми его достоинствами и недостатками. Мещанин – человек толпы, желающий быть «как все», надежная опора власти, элементарная

единица массового общества. Урбанизация, научно-технический прогресс, повышение комфортности жизни, воздействие СМИ, рекламы, стимулирование потребления, формирование массовой культуры – все эти факторы способствовали еще большему упрочению мещанского типа морали, с одновременной его трансформацией и углублением негативных черт: нарастание агрессии, нетерпимости, морального нигилизма.

О том, что к этому может привести погоня за счастьем, понятым как сытое довольство жизнью, предупреждали философы еще в XIX веке. Счастье должно стать наградой за достижение подлинно гуманных, социально и индивидуально значимых и нравственно одобряемых целей. Создание условий для постановки и реализации таких целей должно стать приоритетом деятельности государства.

Список литературы

1. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
2. Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Социология региональных трансформаций. Архангельск, 2010.
3. Sachs J.D. The Economics of Happiness. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-economics-of-happiness> (дата обращения: 15.06.2015).
4. Смирнова Ж. «Бежать, чтобы оставаться на месте...» URL: <http://opec.ru/1444633.html> (дата обращения: 15.06.2015).
5. Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопр. экономики. 2012. № 2. С. 94–107.
6. Флербе М. За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния. Часть II // Вопр. экономики. 2012. № 3. С. 32–51.
7. Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001.
8. Hare R.M. Rights and Justice // Moral Thinking. Its Levels, Method, and Point. Oxford, 1981.
9. Layard R. Happiness: Lessons from a New Science. London, 2005.

References

1. Tatarkevich V. *O schast'e i sovershenstve cheloveka* [On Personal Happiness and Perfection]. Moscow, 1981.
2. Dregalo A.A., Ul'yanovskiy V.I. *Sotsiologiya regional'nykh transformatsiy* [Sociology of Regional Transformations]. Arkhangelsk, 2010.
3. Sachs J.D. *The Economics of Happiness*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-economics-of-happiness> (accessed 15 June 2015).
4. Smirnova Zh. "Bezhat', chtoby ostavat'sya na meste..." ["Running to Keep in the Same Place"]. Available at: <http://opec.ru/1444633.html> (accessed 15 June 2015).
5. Antipina O. *Ekonomicheskaya teoriya schast'ya kak napravlenie nauchnykh issledovaniy* [The Economic Theory of Happiness as an Area of Academic Research]. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 2, pp. 94–107.

6. Flerbe M. Za predelami VVP: v poiskakh mery obshchestvennogo blagosostoyaniya. Chast' II [Beyond GDP: Searching for Social Welfare Measure. Part II]. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 3, pp. 32–51.

7. Yarkova E.N. *Utilitarizm kak tip kul'tury: kontseptual'nye parametry i spetsifika Rossii* [Utilitarianism as a Type of Culture: Conceptual Parameters and Specificity of Russia]. Novosibirsk, 2001.

8. Hare R.M. Rights and Justice. *Moral Thinking. Its Levels, Method, and Point*. Oxford, 1981.

9. Layard R. *Happiness: Lessons from a New Science*. London, 2005.

doi: 10.17238/227-6465.2016.1.74

Demenev Aleksey Grigoryevich

Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
2 prosp. Lomonosova, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: a.demenev@narfu.ru, alexei.demeneff@yandex.ru

THE ETHICS AND ECONOMICS OF HAPPINESS: NEW APPROACHES TO THE OLD PROBLEM

The ethical concept of happiness has, in recent decades, become a subject of research in economics, sociology and psychology. It turned out that there is no direct proportional relationship between the GDP growth and the level of satisfaction with life in a country. It is also proven by statistical data (The Easterlin Paradox) and everyday moral experience. As a result, we can now hear more and more politicians say that a state should not aim to raise its GDP at any cost but to increase the level of happiness. At the same time, the correlation between income and the level of subjective well-being does exist. This is one of the main issues in happiness economics. The philosophical basis of these studies is utilitarian ethics. It should be noted that utilitarian thinking is ambivalent: it stimulates social progress but reduces the various motives to benefit-seeking; it can be interpreted as egoistic or altruistic. Classical utilitarianism, which was formed during the Industrial Revolution in England, could not enjoy similar success in Russia. It was criticized by Russian religious philosophers who claimed that in search of pleasure and happiness one could forget about moral values. Many experts in happiness economics believe that the aim of the state should not amount to raising Gross National Happiness at any cost. Happiness should be a reward for the achievement of truly humane, socially and individually significant and morally approved targets. Creating the conditions for setting and achieving these targets should thus be a priority for the state.

Keywords: *happiness economics, Gross National Happiness, purpose of life, utilitarianism, social development indicators.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: a.demenev@narfu.ru, alexei.demeneff@yandex.ru